

М.М. Юнусов

**Международная конференция,
посвященная 100-летию со дня рождения
Игоря Михайловича Дьяконова**
Санкт-Петербург, 13–15 января 2015 г.

С 13 по 15 января 2015 г. в Санкт-Петербурге прошла Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова, выдающегося отечественного ученого, одного из крупнейших востоковедов прошедшего столетия. Конференция была организована Государственным Эрмитажем и Институтом восточных рукописей РАН, где И.М. Дьяконов проработал без малого полвека. Принять участие в этом научном форуме изъявили желание десятки исследователей из России, стран ближнего и дальнего зарубежья, многочисленные ученики и коллеги ученого, близко знавшие И.М. Дьяконова, а также молодые исследователи, изучавшие востоковедную науку по его хрестоматийным работам. Добрые традиции ставших уже традиционными «Дьяконовских чтений» — неизменная атмосфера доброжелательности и высокий профессионализм участников — были перенесены на это юбилейное мероприятие, которое стало замечательным поводом для обмена мнениями исследователей, так как необычайная широта интересов и редкая энциклопедичность знаний И.М. Дьяконова позволили организаторам конференции собрать вместе представителей самых разных направлений истории, филологии и археологии Древнего Востока, предоставить им возможность рассказать о результатах своей работы, а также познакомить зарубежных гостей с современным состоянием изучения Древнего Востока в России. Открытие конференции состоялось в Зале Совета Государственного Эрмитажа. Эта торжественная церемония запомнилась участникам и гостям форума прежде всего теплыми и благодарными словами коллег и учеников И.М. Дьяконова, поделившихся воспоминаниями о выдающемся востоковеде, талантливом учителе, разносторонней личности. Да и в ходе рабочих заседаний многие выступавшие вспоминали «своего Дьяконова». Всего в работе конференции приняли участие представители 10 стран, было прочитано 26 докладов, которые планируется опубликовать отдельным сборником.

Первое сообщение рабочей сессии конференции — «Храм Набу в Кальху и его клиента» — было представлено Дж.Н. Постгейтом (Кембридж, Великобритания). Докладчик кратко рассказал о ходе подготовки очередного тома “Cuneiform Texts from Nimrud, Vol. 6”, который состоит из двух частей. Первая часть — это деловые записи домашнего хозяйства некоего Šamaš-šarḡu-uṣur за несколько десятилетий VII в. до н.э. Вторая часть, предмет сообщения, включает документы из помещений храма Набу, раскопанных Мэллоуэном в 1956 г. Большая часть из них уже опубликована Барбарой Паркер (*Iraq* 19). В новое издание, по плану составителей, войдут еще не опубликованные тексты. Большинство текстов — долговые расписки на так называемых описях о взятии у храма займы зерна. Далее Дж.Н. Постгейт подробнее рассмотрел содержание этих документов в социально-экономическом и юридическом аспекте: личности заемщиков, количество взятого зерна в долг, процент займа, штрафные

санкции за задержку возврата и даты сделок. Кроме того, докладчик кратко рассказал о посвяжительных текстах частных лиц и групп людей храму Набу. По мнению докладчика, представленные две группы документов проливают свет на роль храма в обществе в одном из важных городов Ассирии в VII в. до н.э.

Л.Е. Коган (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия) озаглавил свой доклад «Этимологический словарь аккадского языка. Первые итоги». В нем были подведены первые итоги работы над проектом «Этимологического словаря аккадского языка», который автор сообщения реализует в сотрудничестве с Манфредом Креберником (Йена) и Михаэлем Штреком (Лейпциг). Первый том словаря, содержащий лексемы на лабиальные согласные (р- и b-), должен выйти в свет в середине 2016 г. На примере нескольких десятков этимологических статей для лексем, начинающихся с р-, Л.Е. Коган разъяснил методологические основы проекта, проанализировал структуру этимологической статьи, продемонстрировал роль и место филологического подхода при этимологическом анализе лексики древнеписьменных семитских языков. В качестве наглядного примера докладчик предложил участникам конференции многостраничный *hand-out*, показывающий некоторые предварительные результаты работы составителей словаря.

С. Ван (Сычуаньский университет, Китай) представил аудитории сообщение «Храмы Месопотамии до образования шумерского „храмового города“». Китайский исследователь напомнил присутствующим о том, что модель «шумерского храмового города (Tempelstadt)» была построена главным образом на основании административных документов из Лагаша Раннединастического периода IIIв. В последние десятилетия эта модель подвергалась критике, и И.М. Дьяконов был одним из тех, кто не принял ее. Тем не менее модель «храмового города» продолжает служить своеобразным ярлыком при толковании ранней истории Месопотамии. Наиболее спорным является применение этой модели для периодов до Раннединастического III. Для периодов от Позднеурукского до Раннединастического также есть аргументы против этой слишком упрощенной модели. С. Ван ознакомил присутствующих со своим видением роли храмов на региональном уровне с Позднеурукского до первых этапов Раннединастического периода. По его мнению, необходимо рассматривать историческую роль месопотамских храмов как части хозяйственной инфраструктуры, обеспечившей экономический рост на юге Месопотамии в этот период.

В.В. Аврутис (Институт археологии им. Зинмана Хайфского университета, Израиль) зачитал присутствующим доклад «Культурно-торговые связи Египта и Южного Леванта в эпоху ранней бронзы. Взгляд из „Нешер“–Рамле, Израиль». Во вступлении израильский археолог напомнил, что в начале эпохи ранней бронзы (вторая половина IV тыс. до н.э.) на территории Южного Леванта появились первые города. Урбанизация сопровождалась новыми процессами: социальным расслоением общества и формализацией культа, а также акселерацией процессов, начавшихся ранее, в эпоху халколита, — развитием металлургии и профессиональной специализацией. Памятники эпохи богаты материалом египетского происхождения; наличествуют и египетские колонии. В самом Египте также найдены предметы быта южнолевантийского происхождения. Взаимовлияния заметны в развитии гончарного производства и металлургии. В период ранней бронзы II (первая треть III тыс. до н.э.) контакты внезапно прерываются. Очевидно, изменение политической ситуации в обоих регионах влечет за собой изменение экономических приоритетов. Далее В.В. Аврутис рассказал о том, что в течение последних лет на территории карьера бетонного завода «Нешер»–Рамле (Долина Лода) проводятся охранные археологические раскопки (работы ведутся Институтом археологии Хайфского университета, руководители Ш. Коль-

Яков и А. Меламед). Среди прочего в ходе археологических работ был раскрыт обширный некрополь, датированный заключительной фазой ранней бронзы I. Раскопанные погребения содержат широкий спектр находок: глиняные и каменные сосуды, медные и кремневые орудия, украшения из различных материалов, а также множество предметов египетского импорта. Новые уникальные данные, по мнению докладчика, значительно обогащают наши представления о характере связей Южного Леванта и раннединастического Египта.

Ж. Мас (Льежский университет, Бельгия) выступила с докладом «Частное или государственное? Новая гипотеза о реконструкции экономической системы Верхней Месопотамии эпохи бронзы». Бельгийская исследовательница отметила, что нам достаточно хорошо знакомы древние экономические системы Южной и Средней Месопотамии, чего нельзя сказать о Северной. Известно, что домашние хозяйства играли решающую роль в некоторых отраслях экономики, но степень зависимости или независимости хозяйств от государства остается предметом споров. Археологический материал доказывает, что частные мастерские, открытые при частных домах, могли быть очень эффективными и специализированными. Кроме того, эти мастерские могли входить в состав групп мастерских, которые обладали своими административными органами. Вместе с тем известно, что дворец и храмы были важной частью экономической системы. Если государственная администрация в некоторых случаях занималась поставкой сырья и рабочей силы, распределением продуктов, то, вероятно, процесс производства имел место не во дворце. Изучение археологического и письменного материала поможет лучше понять роль и важность государственного и частного секторов в экономической системе ранней месопотамской экономики.

Е.В. Маркина (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия) сделала сообщение на тему «Царское присутствие в Гасуре». Е.В. Маркина отметила, что, согласно устоявшемуся мнению, в саргоновский период (2334–2154 гг. до н.э.) Гасур находился в прямом ведении царской администрации. Относительно частое упоминание представителей царской семьи в текстах гасурского архива, считающееся весомым аргументом в пользу такой точки зрения, тоже интерпретируется некоторыми исследователями в рамках гипотезы так называемых «царских путешествий», предположительно предпринимавшихся как минимум двумя последними царями династии Саргонидов (Нарам-Сином и Шаркалишарри) по политически значимым поводам. Докладчица представила анализ всех случаев упоминания царя и его ближайшего окружения (царская семья, высшая бюрократия) и дала оценку их релевантности в рамках гипотез о непосредственном управлении Гасура из центра / «царском путешествии», а также рассмотрела хронологические импликации этих данных.

В.К. Афанасьева (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия) представила доклад «Храм в литературе Шумера». Традиция объединять гимны, восхваляющие величие и красоту храмов, в единый обширный текст отмечена в Шумере с раннего периода возникновения письменности (фрагменты текстов из Абу-Салябиха периода Фары). Но уникальным и непревзойденным памятником шумерской литературы является текст *é-u₆-niĝ*, составленный дочерью Саргона Энхедуаной, включивший 42 гимна, посвященных храмам северных и южных городов Двуречья. Каждый гимн состоит из двух частей (хвала храму и хвала главному божеству храма), которые условно можно разделить на традиционные и самобытно-оригинальные. В текстах гимнов преобладает большей частью традиционная лексика (в метафорах и эпитетах) в соотношении примерно три к одному, что совпадает с числом рассмотренных автором доклада ранее характеристик главных божеств храмов. Это обстоятельство, по мнению выступавшей, подкрепляет высказанное ранее предположение про-

фессора К. Вильке, что часть гимнов была сочинена самой Энхедуаной. Притом что в эпитетах храма преобладает традиционная образность, она совпадает с рассмотренной выше характеристикой божеств и подтверждает предположение В.К. Афанасьевой, что именно эти гимны были сочинены самой Энхедуаной.

Доклад «К дискуссиям о каноничности шумерской литературы из Ниппура» С.В. Григоришина (Нежинский Государственный университет имени Н.В. Гоголя, Украина) также был посвящен проблемам шумерской литературы. Исследователь рассказал, что клинописные первоисточники ниппурских литературных текстов хранятся в Музее археологии и антропологии Пенсильванского университета, Стамбульском музее Древнего Востока, Стамбульском археологическом музее и в собрании жены профессора Г. Хильпрехта в Йенском университете. Публикации копий клинописных первоисточников были осуществлены Г. Радау, Д. Михрманом, С. Лэнгдонном, Г. Бартоном, Э. Кьерой и С. Крамером. С.В. Григоришин представил две точки зрения ученых: тех, кто отрицал существование «ниппурского канона» (Л. Оппенгейм, В. Лэмберт, М. Сивиль, Н. Вельдхуис), и тех, кто принял идею (сочувственно относился к ней) существования «ниппурского канона» (С. Крамер, Т. Якобсен, У. Хэлло, Дж. Блэк). После краткого обзора аргументации сторон докладчик сделал следующий самостоятельный вывод: понятие «ниппурский канон» является анахронизмом с точки зрения исторического подхода в ассириологии, однако может служить рабочей гипотезой для частичной реконструкции религиозных представлений жреческой элиты города Ниппура Старовавилонского царства около XVIII в. до н.э. Это сужение значимости и статуса ниппурских литературных текстов поможет избежать неправомερных обобщений в отношении широкого и необъятного феномена «шумерской религии».

В.В. Емельянов (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия), представляя свой доклад «Группы изгоев в текстах Гудеа», рассказал, что в надписях энси Гудеа (Лагаш, XXII в. до н.э.) на статуе В и Цилиндре А дважды говорится об удалении определенных категорий граждан перед началом строительства храма бога Нингирсу в Лагаше: lu_2-uzug_3-ga , ni_2-gal_2 , $lu_2-si-gi_4-a$, NITA.UD, $munus-kin-du_{11}-ga$ (St. В III 15–IV 3); $uzug_3-ga$, ni_2-gal_2 , $lu_2-GI.AN$ (Zyl. А XIII 14). Однако с пониманием этих категорий возникают проблемы, некоторые из них до сих пор остаются без перевода. Единственную до сего времени попытку раскрыть некоторые из этих терминов предпринял Х. Беренс в комментарии к изданию текста «Энлил и Нинлил». Далее докладчик предложил новые этимологии, чтения и переводы шумерских лексем, а также поставил ряд вопросов о календарной и исторической датировке изгнания нечистых как в шумерских текстах, так и в двуязычных пояснительных текстах, комментирующих шумерские месяцы и праздники.

Р.М. Нуруллин (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия) доклад «К интерпретации топонима Хамран в старовавилонской версии „Эпоса о Гильгамеше“» посвятил топониму Хамран (*Hamrān*) в табличке из коллекции М. Скёйна, содержащей отрывок из старовавилонской версии «Эпоса о Гильгамеше» (OB Schøyen₂ в издании «Эпоса о Гильгамеше» Э. Джорджа 2003 г.). Хамран упоминается в табличке Скёйна как место, где Гильгамеш и Энкиду останавливаются на ночлег во время своего путешествия к кедровому лесу. До сих пор этот топоним не получил какого-либо истолкования. Р.М. Нуруллин предложил возможную идентификацию и локализацию топонима Хамран.

Следующий день заседаний — 14 января был открыт выступлением Н.В. Козыревой (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) на тему «Городское население Южной Месопотамии в начале II тыс. до н.э.». Докладчица сооб-

шила, что клинописные тексты старовавилонского периода из городов Южной Месопотамии содержат косвенную информацию о социальной структуре городского населения. Выделение различных социальных страт в городских обществах и относительная оценка их статуса и материального положения все еще остаются проблематичными. Одним из способов решения этого вопроса является использование, там, где это возможно, как текстуальных, так и археологических данных (Charpin, 2003). Некоторые сведения об административном или профессиональном статусе и семейном имуществе городских элит города Ларсы — называемых в текстах «благородными и великими» (*kabtu u rabū*) — можно найти в документах купли-продажи, судебных протоколах и письмах. Археологические раскопки одного из жилых кварталов города Ларсы (Calvet, 1996) подтверждают эти данные и предоставляют дополнительную информацию о них.

М.А. Редина-Томас (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) представила доклад «Топонимы и земельные планы в средневавилонских документах из Ниппура», посвященный рассмотрению двух документов, вероятно происходящих из средневавилонского Ниппура, — CBS 13885 и CBS 10434. Они представляют собой планы земельных наделов с указанием названий близлежащих поселений и водоемов. Некоторые топонимы из этих документов также встречаются в текстах средневавилонских ниппурских архивов. Документы из этих архивов наряду с текстами стел-кудурру являются важными источниками по топонимике провинции Ниппур и соседних территорий. Названия провинций, поселений, каналов, а также земельных участков в этих текстах упоминаются в связи с деятельностью административно-хозяйственного характера как администраторов среднего звена, так и главного должностного лица Ниппура — *шандабакку*. По мнению автора сообщения, комплексно рассматривая эти документы (как тексты, так и земельные планы), можно составить достаточно точную картину хозяйственно-административной жизни средневавилонского Ниппура.

А.А. Немировский (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия) в посвященном касситам сообщении «Загросское и транс-загросское направление во внешней политике Касситской Вавилонии (XVI–XIII вв. до н.э.)» предложил аудитории следующие тезисы:

1. Ряд источников позволяют судить об устойчивом (транс)загросском направлении экспансии касситской Вавилонии: Агум II прокламирует себя как господин загросского ареала касситов и «всей страны кутиев», Куригальзу II покоряет горные области, смежные с Эламом, и сам Элам «вплоть до Мархаши»; после возможного коллапса этой сферы власти к какому-то моменту правления Назимарутташа (следующего из эпического восхваления его завоевательной кампании в Намри) она была восстановлена и (как видно из перечня стран в одной из надписей Тукульти-Нинурты) включила даже былую ассирийскую сферу влияния на Северном Загросе (в бассейне Верхнего Заба).

2. Новоассирийские упоминания Кар-Кашши и (? — или то же) Сильхази, «крепости сынов Вавилона» в центральной Мидии могут отвечать лишь той же былой экспансии Касситской Вавилонии и указывают на ее распространение далеко за Загрос и на продолжительность контроля Касситской Вавилонии в этих областях, включающего также основание колоний-крепостей (ср. с западной экспансией Кадашман-Харбе).

3. Новоассирийские упоминания касситского титула *янзи* как имени или части имени у правителей бассейна верхнего Заба (Аллабрия и — учитывая ее локализацию — Хубушкия) указывают на поселение здесь группы касситов или, что вероят-

нее, на наследие прочного и достаточно продолжительного контроля со стороны Касситской Вавилонии в этом районе. Датировать этот контроль можно скорее ранним периодом правления касситской династии в Вавилоне (ср. заявление Агума II о господстве над страной кутиев, учитывая протяженность ареала кутиев в то время до части бассейна Верхнего Заба и смежных с ней с северо-запада областей включительно, о чем говорят среднеассирийские упоминания страны Куту в районе горы Джуди-даг), чем XIII в. до н.э. (учитывая непродолжительность касситской власти здесь в то время).

4. Надпись Агума II (учитывая необходимую реинтерпретацию эпитета *саклату*, прилагаемого в ней к кутиям, и важность, которая придается в ней горному северо-востоку) и эпическая композиция о Куригальзу II (в составе «хроники Р») позволяют считать, что отношение касситской династии Вавилона и ее придворной культуры к горным «варварам» северо-востока существенно отличалось в лучшую сторону от обычного месопотамского, что можно связывать с происхождением самой этой династии.

Б.Е. Александров (Московский государственный университет, Россия) прочитал доклад «Хеттские эпистолярные тексты из строения А на Бююккале в Богазкёе». В начале сообщения исследователь отметил, что ни для одного из строений хеттской столицы Хаттусы, в которых были обнаружены клинописные тексты, нельзя постулировать функцию специализированного архива царской корреспонденции: эпистолярные документы найдены при раскопках всех построек, включая Большой храм и Дом на склоне в Нижнем городе, строения А, В, D, E и т.д. в царской цитадели на холме Бююккале. Далее Б.Е. Александров предпринял попытку систематизировать данные о письмах из строения А на Бююккале с целью уточнить историю хранившегося там собрания текстов. Среди писем в строении А преобладают документы времени Хаттусилиса III (ок. 1275 — 1245 гг. до н.э.). Они отражают различные аспекты политической деятельности этого царя и его супруги Пудухебы, включая заключение династического союза с Египтом, взаимоотношения с сирийскими вассалами и с царствами Верхней Месопотамии. Очевидно, эти тексты представляли особый историко-политический интерес для последних царей Хатти. При реконструкции цитадели во второй половине XIII в. до н.э. Тудхалия IV переместил наиболее важные письма прошлого царствования в строение А из других собраний, оставив в них на хранение лишь актуальную корреспонденцию.

В.Ю. Шелестин (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия) в докладе «Палеография клинописных текстов из Киццувадны» сообщил, что письменная традиция Киццувадны составляет весьма небольшую часть корпуса текстов, происходящих из архивов Богазкёя, а находки клинописных текстов на территории самой Киццувадны единичны. Вместе с тем значение этих текстов для изучения распространения письменности в Анатолии велико из-за того, что хаттусская писцовая школа фактически не оставила места локальным вариантам письменной традиции в Хеттском царстве. Основные блоки текстов из Киццувадны, выделяющиеся из основного массива богазкёйских документов, — хетто-киццуваднские договоры на аккадском языке (первая половина XV в. до н.э.) и хеттоязычные ритуалы, записанные «как в Арусне» (XIII в. до н.э.). В.Ю. Шелестин провел анализ их палеографических и орфографических характеристик с целью дать ответ на вопрос о возможности континуитета письменной традиции на территории Киццувадны и ее роли в распространении письменности в Малой Азии.

М.Л. Хачикян (Институт востоковедения Национальной академии наук, Ереван, Армения) представила доклад «Был ли язык хурритской надписи из Уркеша эргатив-

ным?», в котором рассказала, что в хурритских текстах из Богазкея, при обычном оформлении актантов переходного глагола эргативным и абсолютным падежами в эргативной конструкции и абсолютным и эссивным/локативным в антипассивной, в некоторых неиндикативных наклонениях при переходных глаголах в субъектно-ориентированной («активной») форме (тематический гласный -i-) оба актанта выступают в немаркированном абсолютном падеже, в то время как в конструкциях с глаголом в инверсивной объектно-ориентированной («пассивной») форме (тематический гласный -o-) объект стоит в абсолютном, а субъект в косвенном падеже на -ž, совпадающем по форме с эргативным падежом. Автор интерпретировала засвидетельствованные в древнейшем известном хурритском тексте из Уркеша юссивные формы переходных глаголов с тематическим гласным -o- как инверсивные («пассивные»), а тот факт, что в этом тексте в предложениях с прямым порядком слов как субъект, так и объект переходного глагола не маркированы и только в производных конструкциях с инверсивным порядком слов и глаголом в «пассивной» форме субъект получает падежный показатель -ž, позволяет, по мнению М.Л. Хачикян, предположить, что язык уркешской надписи отражает доэргативную стадию языка, для которой была характерна падежная неформленность обоих актантов.

А.В. Сафронов (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия) в сообщении «Миграции конца позднебронзового века в Эгеиде и Восточном Средиземноморье в исследованиях И.М. Дьяконова и современное состояние изучения темы» напомнил, что в вышедшей почти полвека назад монографии И.М. Дьяконова «Предыстория армянского народа» автор, помимо прочего, впервые в отечественной историографии затронул широкий спектр вопросов, связанных с этнополитическими процессами XIII–XII вв. до н.э. в Западной Анатолии, Восточном Средиземноморье и с миграциями «народов моря». А.В. Сафронов сопоставил выводы И.М. Дьяконова с современным состоянием изучения проблемы по следующим пунктам: 1) идентификация египетских этнонимов «народов моря»; 2) проблема датировки «Анналов» Тудхалии и экспансия хеттов на запад Малой Азии во второй половине XIII в. до н.э.; 3) локализация страны Аххиявы; 4) роль фрако-фригийцев в разрушении Хаттусы; 5) проблема историчности Троянской войны.

И.Н. Медведская (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) представила доклад по археологии «Урарты в приурмийском районе (Иран)». И.Н. Медведская отметила, что, согласно письменным источникам, урарты завоевали западное и юго-западное побережье Урмии в конце IX в. до н.э. и были изгнаны оттуда в 714 г. до н.э. ассирийским царем Саргоном. Археологическим свидетельством уничтожения урартского плацдарма можно считать разрушение в 714 г. до н.э. Хасанлу IVB (IX–VIII вв. до н.э.). В ходе доклада И.Н. Медведская рассмотрела керамику из приурмийских памятников, которая помимо приведенных автором ранее данных доказывает существование города в VIII в. до н.э. и позволяет уточнить восточные границы Урартского царства в VIII–VII вв. до н.э. По мнению археологов, поход Саргона мало что изменил в отношении урартских владений в приурмийском районе, так как повсюду «находится урартская керамика VII в. до н.э.». Однако здесь преобладает местная керамика, многие типы которой существовали в до-урартский период; другие виды керамики (аски, миски с омфалами, сосуды с выступами на дне) были распространены на всем древнем Востоке и в VIII в. до н.э. могли попасть в приурмийский район независимо от урартов; и главное, в VII в. до н.э. здесь нет стандартной урартской керамики, использовавшейся для хранения и раздачи провианта в урартских гарнизонах (пифосов, кувшинов для вина, курильниц, светильников), нет сигарообразных сосудов для изготовления пива. Таким образом, сделала вы-

вод И.Н. Медведская, керамика не подтверждает присутствие в VII в. до н.э. в приурмийском районе носителей урартской керамической традиции. Урартов не могло быть там, где всё было уничтожено Саргоном в 714 г. до н.э., ассирийцы не совершали больше сюда походов; в противном случае, политическая история этого района в VII в. до н. э. развивалась бы иначе.

С.Ф. Адалы (Университет Билкент, Анкара, Турция) рассказал о месте и роли скифов в регионе в докладе «Скифское государство на древнем Ближнем Востоке в VII в. до н.э.». Турецкий исследователь проанализировал военные и политические цели скифского государства, чье существование подтверждается клинописными текстами ассирийского царства во время правления Асархадонна (681–669 гг. до н.э.). Также им были представлены мотивации ассирийского царства и их соседей: страны Табал (Кападокия), Урарту, Мидии, киммерийцев. Автор предложил по-новому взглянуть на политические и военные события в части роли скифов на Ближнем Востоке в VII в. до н.э., включая представления о скифской гегемонии в регионе, которая отмечена у Геродота, но не подтверждается синхронными месопотамскими источниками.

В завершение второго рабочего дня конференции режиссер А.И. Янковский (Фонд «Александр», Санкт-Петербург, Россия) показал участникам и гостям форума документальный фильм «Киркенесская этика. Игорь Михайлович Дьяконов» — рассказ о жизни, научной и организаторской деятельности, думах и чаяниях ученого, педагога, мыслителя. Трагические кадры времен Второй мировой войны, участником которой был капитан Дьяконов, показанные на фоне вечных истин Экклесиаста в переводе И.М. Дьяконова, произвели незабываемое впечатление на всех присутствовавших в кинозале. А один день и вся жизнь мастера, увиденные глазами талантливого и любящего своего героя режиссера, показали, что Игорь Михайлович до конца оставался преданным принципу всей своей жизни — «не умножать мирового зла».

Заключительный день заседаний прошел в Зеленом зале Института восточных рукописей РАН и был открыт выступлением Н.А. Май (Свободный университет, Берлин, Германия) «Ученый и политика: колофоны Набу-зукуп-кену и идеология Саргона II». Н.А. Май отметила, что правление Саргона II стало для Ассирии началом больших перемен с самого момента его восхождения на престол. Никто из его предшественников или потомков не осмеливался на столь радикальные изменения. Саргон реформировал не только политические и административные структуры, но и работу писцов. Преобразованиями системы работы с текстами занимались самые высокопоставленные писцы империи, в том числе и выдающийся ассирийский ученый Набу-зукуп-кену. Реорганизация касалась не только делопроизводства, которое необычайно хорошо документировано в период правления Саргона II, но и царских надписей. Помимо практических целей реформа ведения административных записей и производства царских надписей имела идеологическую подоплеку. Введение двойных и тройных датировочных формул в колофонах документов, научных текстов и ритуалов времени Саргона II создавало определенный политический климат. Появление в Ассирии южномесопотамской традиции датировок по году правления царя параллельно с традиционной ассирийской датировкой по эпонимам было одним из проявлений централизации власти. Те, кто использовал эти чуждые Ассирии датировочные формулы, принадлежали к писцовой элите империи. По мнению докладчицы, исследование колофонов Набу-зукуп-кену и его круга доказывает непосредственное влияние этого ученого на идеологию империи.

О.В. Попова (Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Франция) представила доклад «Земельные владения царской семьи в нововавилонский период». Нововави-

лонская царская династия происходит, по всей вероятности, из Урука. Несмотря на то что семья обустроивается в Вавилоне, на протяжении всего периода она сохраняет тесную связь с югом империи. Дочери Навуходоносора II принимают активное участие в жизни храма Эанна в Уруке, его зять Нергал-шар-уцур (Нериглиссар) имеет земельные владения на юге, а дочь Набонида становится верховной жрицей храма Экишнугаль в Уре. Стоит ли рассматривать это просто как способ сохранить связь с местом происхождения или предоставление земельных владений членам царской семьи по всей территории Вавилонии — это продуманная политика нововавилонской династии, нашедшая продолжение в период Ахеменидов? О.В. Попова предложила свое видение указанной проблемы.

Н.О. Чехович (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) предложила присутствующим сообщение «О походе Набонида в Тейму». До сих пор остается не проясненной хронология похода вавилонского царя Набонида в аравийский город Тейму. Неясным остается также время, когда Набонидом был восстановлен храм бога Луны в Харране. Хроника Набонида повреждена, как и ряд пассажей в Харранской стеле. Поход в Тейму, где Набонид оставался около 10 лет, не возвращаясь в Вавилон, датируется исследователями приблизительно, «между 3-м и 6-м годами» (правления) (М.А. Дандамаев). Появляются новые материалы и новые интерпретации, позволяющие представить себе маршрут похода в Тейму и, возможно, уточнить его причины и хронологию. Подтвердилось предположение, что Набонид шел через Заиорданье прямо в Аравию, преодолевая сопротивление там, где оно оказывалось (крепость Села с вновь обнаруженным барельефом). Причины похода учеными объяснялись по-разному; неоспоримо стремление Набонида контролировать торговые пути: через Аравию поступали пряности (лучшая корица шла через перевалочные базы с о-ва Цейлон). В связи с этим особое внимание следует уделить болезни Набонида, упоминаемой во многих источниках. Видимо, она была серьезной, раз об этом сочли нужным написать в хронике правления. Возможно, именно с болезнью связано стремление царя в Аравию. Известно, что цейлонская корица помогает, например, инсулинозависимым больным диабетом. О том, что Набонид придерживался какой-то необычной диеты, имеются сведения в ряде источников. Вероятно, с болезнью связан и тот факт, что Набонид не возвращался в Вавилон. Впрочем, он мог, не входя в Вавилон, участвовать в упоминаемом хроникой вторичном оплакивании своей матери. С походом в Тейму, возможно, связан уникальный документ, сохранившийся в двух экземплярах, с важными различиями. Один, из Британского музея, опубликован К. Клебер в 2008 г., другой хранится в Эрмитаже. Речь в нем идет о замене погибших стрелков из лука — служителей храма Эанна, причем оплачивать содержание новобранцев должны были, видимо, представители двух сотрудничавших храмов: Эбаббара (Сиппар) и Эанны (Урук). Документ датирован летом 5-го года Набонида. В конце этого года царь, видимо, уже в Тейме — другой документ фиксирует посылку гонцов туда. Вероятно, болезнь царя продолжалась и была хронической: в Харранской стеле Х. Шаудиг выявил цитату из вавилонской «Поэмы о невинном страдальце» именно о болезни. Итеративная форма глагола *alāku* в Харранской стеле может быть понята как «ходил взад-вперед» — вероятно, между Теймой и Харраном, где шло восстановление храма бога Луны, бывшее делом жизни для Набонида. Драгоценные камни и золото, необходимые храмам, также были импортным товаром, шедшим через Аравию.

А.В. Немировская (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия) выступила с докладом «Ханаанский консонантизм в свете происхождения западно-семитского алфавита». По одной из гипотез, прототипом графем финикийского алфа-

вита были скорописные знаки «египетского силлабического письма», с помощью которого египтяне приспособились записывать иноязычные слова, в том числе ханаанского происхождения. Эта практика («новая орфография») получила широкое применение в египетских документах начиная с XV в. до н.э. как следствие масштабных египетских завоеваний в Передней Азии в эпоху 18-й династии. Совокупность исторических и филологических соображений указывает на то, что ханаанское консонантное письмо появилось в результате адаптации египетской новоорфографической практики левантскими писцами, опиравшимися на египетскую писцовую выучку. В семитологии общепринятым является представление о том, что 22 графемы ханаанского алфавита адекватно отражают реальный консонантный состав ханаанских языков I тыс. до н.э. (финикийского и древнееврейского). Подоплекой этого представления является убеждение в том, что алфавитное письмо было изобретено самими носителями ханаанских языков и, соответственно, будто бы должно было адекватно отражать фонологию этих языков. О том, что это не так, свидетельствует прежде всего наличие двух- и трехфункциональных консонантных графем. Чужеродное происхождение консонантного алфавита объясняет его специфику, заключающуюся в изначальной неадекватности передачи звукового строя семитских языков, которые он был призван обслуживать.

С.А. Французов (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) в своем докладе «Наследницы в Эмаре и древнем Йемене: к вопросу об эмаритском влиянии на южноаравийскую цивилизацию» затронул проблему формирования самобытной высокоразвитой культуры и собственной государственности на юго-западе Аравии на рубеже II–I тыс. до н.э., которая пока еще далека от разрешения. Докладчик отметил, что наличие у нее сиро-палестинских корней сомнений не вызывает. Несколько десятилетий назад была высказана гипотеза о том, что истоки древне-йеменской цивилизации следует искать в городе-государстве Эмар на Евфрате. Для ее подтверждения приводились не только лингвистические аргументы, но и лексические параллели. Однако насколько эмаритское общество было типологически схоже с древне-йеменским? Недавно опубликованная подборка эмаритских юридических текстов, связанных с наследственным правом, показывает, что женщина в Эмаре, как и в Древней Месопотамии в целом, при отсутствии наследников-мужчин могла получить наследство, только обретя формальный статус старшего мужского родственника в семье. В этом отчетливо проявляется патриархальный характер общества в этом городе-государстве. В то же время в древней Южной Аравии отмечены такие явления, как матрилинейность и матрилокальность; кроме того, местные женщины обладали влиянием в социально-экономической сфере. С.А. Французов привел два эпиграфических примера, которые, по его мнению, подтверждают, что наследование в древне-йеменском обществе могло происходить по материнской линии, и в этом отношении оно кардинально отличалось от эмаритского.

М.М. Юнусов (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) представил сообщение «Коллекция пунических стел Государственного Эрмитажа: состав и происхождение». Докладчик рассказал о результатах своей предварительной работы с этой коллекцией Эрмитажа, которая насчитывает 34 финикийские стелы, относящиеся к последним векам до нашей эры. Условно они определяются по месту нахождения: карфагенские и гадруметские (совр. г. Сус в Тунисе). За исключением двух стел с изображением животных, все они посвящены традиционным пуническим богам Баал Хаммону и Танит частными лицами. В основе этой коллекции лежит личное собрание Юлиуса Эйтинга, немецкого ориенталиста и неутомимого путешественника, впервые опубликовавшего эти и ряд других стел в Санкт-Петербурге в 1871 г.

Еще при жизни Ю. Эйтинг передал эти стелы в дар российскому Азиатскому музею. В начале XX в. стелы хранились в Институте истории РАН. В 1938 г. все стелы, а также значительное количество других восточных памятников были переданы на хранение в Отдел Древнего Востока Государственного Эрмитажа.

А.И. Янковский прочел доклад «Очарование Уммы», в котором рассказал о причинах, многие десятилетия привлекавших грабителей к этой важнейшей группе шумерских памятников на юге Ирака. В числе этих причин — близкое к геноциду осушение болот режимом Саддама Хуссейна, разрушение экономических механизмов в результате американского вторжения 2003 г. и наступившего за ним хаоса; расположение памятников вдали от населенных пунктов; но и необыкновенная продуктивность шумерской администрации III династии Ура, создавшей в этих поселениях десятки тысяч клинописных документов, весьма привлекательных и удобных для торговли на черном рынке антиквариата. Докладчик поведал о драматичных усилиях, предпринятых иракскими археологами и помогавшими им американцами, в их неравной борьбе по обороне области Уммы от грабителей. Благодаря удачному стечению ряда обстоятельств, накануне американского вторжения там удалось провести четыре сезона охранных раскопок, из материалов которых, в частности, может следовать необходимость изменить принятое отождествление главного досаргоновского поселения этой области с Теллем Джохы (Уммой III династии Ура). Главным населенным пунктом раннединастического времени оказывается соседний с теллем Джохы Умм аль-Акариб.

Все сообщения докладчиков были приняты аудиторией с большим вниманием и интересом, а некоторые темы даже вызвали бурные дискуссии, получившие свое продолжение в кулуарах конференции. Все участники и гости форума неизменно отмечали замечательную организационную работу совместного Оргкомитета Государственного Эрмитажа и ИВР РАН, а также культурную программу, предложенную гостям нашего города. Как заметила в заключительном слове В.К. Афанасьева, ученица и младшая коллега И.М. Дьяконова, атмосфера конференции полностью напоминала атмосферу и дух общения, которые всегда сопровождали подобные мероприятия в присутствии Игоря Михайловича: «У меня было такое ощущение, что Игорь Михайлович и не ушел от нас. Все это время он был с нами».